

**«Земля,
текущая медом и молоком»:
украинские земли Правобережья
в представлениях региональных элит
и политике имперских властей
в первой половине XIX в.**

Эмансипация определенного (этно)национального сообщества, в частности, в глазах других сообществ, в современных исследованиях национализма рассматривается как сложный динамический процесс, не всегда имеющий четко заданный вектор, в котором идентификация и самоидентификация происходят под влиянием целого ряда внешних и внутренних факторов¹. Исследователи полагают, что «идея нации включает в себя комплекс представлений о том, что такое нации, каковы критерии принадлежности к ним, чем определяется идентичность данной конкретной нации, что этой идентичности угрожает и что нужно для ее благополучия. В сумме эти представления задают некую систему координат, определяющих, кто есть мы, составляющие нацию, чем мы отличаемся от других и каковы наши перспективы. Формирование и последующая трансформация такой идеи представляют собой динамичный процесс, в ходе которого, как правило, соперничают между собой несколько альтернативных проектов»².

¹ Одним из первых предложил такой подход к анализу идентичности Ф. Барт: *Barth F. Ethnic Groups and Boundaries*. Boston, 1969.

² Малинова О.Ю. Традиционалистская и прогрессистская модели национальной идентичности в общественно-политических дискуссиях 1830-х — 1840-х гг. в России // Консерватизм в России и мире. В 3 ч. Ч. 1. Воронеж, 2004. С. 28.

Историко-географическая номенклатура как маркер «своего» пространства

Особенно сложные формы процесс (само)идентификации может приобретать в этнически неоднородных и/или пограничных регионах, каковым в начале-середине XIX в., несомненно, являлось украинское Правобережье. Факт участия в зарождающихся националистических дискурсах акторов разного происхождения и уровня отразился, в частности, в своеобразной полемике по поводу географической терминологии. Украинские земли, окончательно вошедшие в состав Российской империи по второму разделу Речи Посполитой в 1793 г., вместе с белорусско-литовской ее частью, в имперском дискурсе довольно долго именовались «бывшими польскими». Именно так определялись присоединенные территории в официальной документации после разделов, причем не только эпохи Екатерины II, но и Павла I: так, указом от 12 декабря 1796 г. предписывалось создать из «бывшей польской Украины, Волыни и Подолья» две губернии — Волынскую и Подольскую³. Лишь к середине XIX в. в официальной сфере за ними закрепляется обозначение «Западные губернии» (включавшее также белорусско-литовскую часть польского наследства) или более узкое «Юго-Западный край» для собственно украинских земель. Однако в российской публицистике вплоть до второй половины XIX в. сосуществуют разные их обозначения, например, описательные конструкции «бывшие польские губернии» или «южные хлеборобные области империи» (как в популярном гимназическом учебнике «Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста» Д.И. Иловайского⁴), или традиционные

³ Державний архів Вінницької області (далее — ДАВО). Ф. 906. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 3–4 зв.; см. подробно об административных преобразованиях того времени: *Петренко О.* Історія адміністративно-територіального устрою Вінниччини від найдавніших часів до сучасності: Науково-довідкове видання. Вінниця, 2008. С. 17.

⁴ Цит. по: *Єкельчик С.* Великий наратив і його розриви: Україна в російських підручниках з історії та уявленні українських студентів (1830–1900-ті ро-

регионимы «Волынь» и «Подолія», но вместе с тем появляется и определение «Заднепровская Украина»⁵.

При сопоставлении географических терминов очевидной становится преемственная связь русской терминологии с польской историко-географической номенклатурой. В официальных документах и географических описаниях до разделов, а также в воспоминаниях выходцев из украинских земель Речи Посполитой (представителей традиционной для этих регионов польской или полонизированной шляхты и местной интеллигенции), в литературе и публицистике после 1795 г. эти территории определяются, как правило, при помощи региональных терминов, среди которых доминируют Волынь, Подолье и Украина. Подчеркнем, что последний, хотя и используется как обязательный член триады, но является чаще всего именно регионимом, а не термином, определяющим все украинские земли, в полном соответствии с польской традицией⁶. Заметим, что этот последний термин если и принимался имперской логикой XIX в., то с определенными оговорками (напр., в аксаковской версии Заднепровской Украины), и в обобщенном смысле гораздо чаще заменялся Малороссией, изначально использовавшейся для обозначения левобережных земель⁷.

ки) // Українофіли. Світ українських патріотів другої половини XIX століття. Київ, 2010. С. 75–105.

⁵ Аксаков И.С. По поводу притязаний поляков на Литву, Белоруссию, Волынь и Подолию. Москва, 6-го октября 1862 г. // Сочинения И.С. Аксакова 1860–1886: Т. [1] –7. М., 1886–1887. С. 16–38.

⁶ Об аналогичной польской практике употребления термина Украина в раннее новое время см.: Яковенко Н. Вибір імені versus вибір шляху (назви української території між кінцем XVI — кінцем XVII ст.) // Міжкультурний діалог. Т. 1. Ідентичність. Київ, 2009. С. 83.

⁷ Как отмечает П. Бушкович в своем анализе украинско-русских связей в XIX в., убежденность в том, что Малороссия (Левобережье) и есть вся Украина, была настолько всеобщей, что никто даже не удосужился объяснить это: см.: *Bushkovitch P. The Ukraine in Russian Culture. 1790–1860. The Evidence of the Journals // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Band 39. 1991. Heft 3: Franz Steiner Verlag, Stuttgart. S. 343.* Исследователь объясняет это как негласное признание факта польского влияния на Правобережье, а также традиционно более тесными связями России с Малороссией.

Лишь к концу XIX в. закрепляется чрезвычайно важный для польского (в том числе современного) дискурса об Украине термин «кресь», который объединяет все бывшие восточные территории Речи Посполитой до разделов⁸. Появление определения «кресь» в польской литературе связывают с 1840-ми гг., с именем В. Поля и его поэмой «Могорт»; затем на протяжении XIX в. происходит концептуализация термина: будучи первоначально тесно связанным с идеей защиты пограничья, понимаемого в историко-пространственном и культурно-цивилизационном смыслах, обозначение «кресь» (позже с заглавной «**К**ресь»), как и другие географические названия) приобретает важные оценочные коннотации, устанавливающие связь с польским национальным мифом и концепцией культурно-исторического единства (и будущего воссоединения) этих земель с Речью Посполитой в ее границах до разделов⁹.

Остается еще один актер — собственно украинский, фактически отсутствующий (и безмолвствующий) в публичном пространстве до середины XIX в. Именно в украинском нарративе позже закрепляется термин, использованный нами в заглавии очерка, — Правобережье, иначе — Правобережная Украина, отражающий собственно украинскую топографо-географическую перспективу: расположение региона по отношению к Днепру¹⁰.

Сама по себе отмеченная терминологическая многоголосоца прекрасно иллюстрирует явление, определенное А.И. Миллером как «наложение идеальных отечеств»¹¹:

⁸ Об этом см., в частности: *Kieniewicz S. Kresy. Przemiany terminologiczne w perspektywie dziejowej // Przegląd Wschodni. 1991. R. 1. Z. 1. S. 3–13.*

⁹ Подробно разбирает динамику семантики термина на многочисленных примерах из литературных и публицистических произведений XIX в. в своей научно-популярной монографии Я. Кольбушевский: *Kolbuszewski J. Kresy. Wrocław, 1998. S. 6, 18, 23, 35, 56, 93 и др.*

¹⁰ Об этом см., в частности: *Єршов В. Польська мемуаристична література Правобережної України доби романтизму. Житомир: Полісся, 2010. С. 78–82.*

¹¹ О польском, русском и украинском «проектах наций» на территории западных губерний Российской империи см.: *Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая по-*

«Различные проекты наций могут находиться в конфликте друг с другом, в частности претендовать на одни и те же территорию и население. Порой это представляет собой соперничество по поводу определенного пространства пограничья, где речь идет о том, какому воображаемому сообществу это пространство будет принадлежать. (Примером может служить конфликт русского и польского образов “идеальных Отечеств”.) Столкновение может носить и тотальный характер в том смысле, что один образ идеального Отечества включает всю территорию и население другого, отрицая альтернативный проект как таковой. (Здесь примером может служить конфликт русского и украинского национализмов.)»¹². В этом смысле динамика развития историко-географической номенклатуры, как русской, так и польской, а позже и украинской, хорошо показывает, как относительно нейтральные регионимы Волынь и Подолье¹³, указывающие лишь на этнографическую специфику, сменяются идеологически более ёмкими обозначениями, связанными с идеей «своей» территории и ориентированными в каждом из случаев на собственную метрополию (соответственно Петербург, Варшаву или — позже — Киев), что и создает их противонаправленную векторность: ср. русский *Юго-Западный край*, польские *восточные кресы* и собственно украинское *Правобережье*¹⁴.

ловина XIX в.). СПб., 2000. С. 12, 36–37; ср. понятие «воображаемое сообщество»: Anderson B. *Imagined Communities*. London, 1991. Такой подход к национализмам на территории Российской империи последовательно реализован и в других работах А.И. Миллера: *Миллер А.И. Национализм и империя*. М., 2005; см. также: *Западные окраины Российской империи* / Под ред. А. Миллера, М. Долбилова. М., 2006.

¹² *Миллер А.И.* Формирование наций у восточных славян в XIX в. — проблема альтернативности и сравнительно-исторического контекста. [Электронный ресурс]. Режим доступа — свободный. URL: mion.sgu.ru/empires/articles/index.html.

¹³ Ср. показательную для нашей темы декларацию из «Манифеста поляков в Бельгии 1836 г.»: «Украинец, кашуб, русин, велико- и малопольянин, литвин, подолянин, жмудин, мазур, волынянин и любой сын древней Речи Посполитой, является Поляком, и лишь в этом названии единство наше является»: цит. по: *Kolbuszewski J. Kresy*. S. 44; здесь и далее перевод с польского и украинского наш. — *О. Осм.*

¹⁴ Одним из первых на несопадение векторов анализа исторического прошлого в польской, русской и украинской традиции показал в своей работе

«Одновременность неодновременного» на Правобережье: полилингвизм и конфликт самоидентификации местных элит

Взаимная конкуренция националистических дискурсов, их пересечение, в том числе в сфере концептов, используемых как инструменты идентификации, в первую очередь затрагивает представления об историческом прошлом нации и ключевых моментах «национальной памяти»¹⁵ и очевидным образом влияет на ментальные очертания «своей» этнической территории, но также — что для нас особенно важно — тесно связано с языковым (само)сознанием. Особый интерес в этом отношении представляет языковое поведение как отдельных индивидуумов, так и (этно)социальных групп в ситуации полилингвизма в тот исторический момент, когда формирование сразу нескольких «проектов наций» и связанных с ними альтернативных проектов языкового развития — создает множественность идентичностей и вариативность языковых стратегий¹⁶.

Совмещение разных типов идентичности — локальной и / или региональной, этнической и / или национальной, а также наднациональной — признается не только характерной чертой начальной стадии развития националис-

С. Величенко: *Velychenko S. National History as Cultural Process. A survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914.* Toronto, CIUS, 1992.

¹⁵ Об этом на примере русского национального сознания см: *Реннер А. Изобретающее воспоминание: русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии.* М., 2005. С. 440.

¹⁶ К этой проблеме мы уже обращались в более ранних работах, которые содержат основные идеи, развиваемые в настоящей статье: *Остапчук О.А. Язык и идентичность в ситуации полилингвизма: Правобережная Украина в первой половине XIX в. // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2004.* М., 2005. С. 227–253. *Остапчук О.А. Этностереотипизация как инструмент моделирования национальной идентичности (на примере агитационных текстов на украинском языке эпохи польских восстаний 1830 и 1863 гг.) // Механизмы формирования и способы проявления этнокультурной идентичности: Украина, Белоруссия, Польша.* М., 2011.

тических дискурсов¹⁷, но и одним из универсальных психологических оснований механизма социальной (само)идентификации. Любая коллективная или социальная, в том числе этнокультурная, идентичность опирается на возможность мыслить в категориях «мы», а поскольку социально-политический ландшафт состоит, как правило, из множества сообществ «мы» разного уровня, самоидентификация «я» происходит в столкновении с ними по принципу включения или исключения из конкретного сообщества¹⁸. При диахронном анализе процесса (само)идентификации особенно продуктивной оказывается аналитическая категория «одновременность неодновременного», впервые использованная в 1937 г. Э. Блохом, описавшим конкуренцию различных моделей развития этнонациональных сообществ в многонациональном пространстве, которые он оценивает как «современные» (национальные) и «устаревшие» (т. е. традиционные, этнокультурные). Немецкая исследовательница У. фон Хиршхаузен весьма успешно применила эту категорию к анализу этнонациональной ситуации в Риге в XIX в., показав, что формирование идентичностей у разных этнических групп (немцев, латышей и русских) в этом городе было обусловлено целым комплексом социально-политических и культурных факторов. В данном случае «одновременность неодновременного» позволила показать также разные уровни социокультурного развития отдельных групп и сложную комбинацию современных и традиционных элементов в идентификации каждой из них¹⁹.

¹⁷ Так характеризует начальную стадию современного национализма, в частности, Э. Хобсбаум в своей классической работе см.: *Hobsbawm E. Nations and Nationalism Since 1780: Programme, myth, reality. Cambridge, 1990.*

¹⁸ *Conover P.J., Hicks B.E. The Psychology of Overlapping Identities: Ethnic, Citizen, Nation and Beyond // National Identities and Ethnic Minorities in Eastern Europe. Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies. Warsaw, 1995 / Ed. by Ray Taras. P 11–48.*

¹⁹ *Хиршхаузен У., фон. Сословие, регион, нация и государство: одновременность неодновременного в локальном пространстве Центральной Восточной Европы. Пример Риги 1860–1914 годов // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 472–501.*

В этом смысле «одновременность неодновременного» на украинском Правобережье в начале и даже середине XIX в. проявляется не просто в столкновении разных концепций модерной (национальной и наднациональной) идентичности, разрабатываемых «сверху» имперской российской элитой и региональной польской, и противостоящей им «снизу» традиционной (этнографической) идентичности украинского населения, по преимуществу крестьянского. Одновременно в каждой из названных идеологий присутствуют и традиционные, и современные инструменты идентификации. Так, признается, что «массовизация» русского общества в конце XIX в. сопровождалась утверждением не столько национальной, сколько имперской идеологии, «воспроизводившей представления полу-патерналистской, полу-модернизаторской централизованной бюрократии о свойствах русских как доминирующей этноконфессиональной группы. Кристаллизация этнонациональной идентичности могла осуществляться только на основе солидарности с властью и лишь в теряющих свою силу границах привилегированных сословий»²⁰. Однако при этом важным элементом утверждения русского управления на землях, присоединенных к Империи в конце XVIII в., и обоснования законности ее притязаний на «издревле русские» владения²¹ — необходимость которого ощущалась как в 1830-е, так и в 1860-е гг. — являлась апелляция к традиционной конфессиональной («православной») и этноязыковой («русской») общности, объединяемой в первую очередь именно религиозным фактором²².

²⁰ Гудков Л. Комплекс «жертвы». Особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Гудков Л. Негативная идентичность: статьи 1997–2002 гг. М., 2004. С. 116.

²¹ «Вольнь, Подолия, Белоруссия издревле принадлежали к Русским владениям», как писал М.П. Погодин в одной из своих ранних статей 1831 г. (Исторические размышления об отношении Польши к России (писано в 1831 году, и было напечатано в Телескопе) // Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний М.П. Погодина. 1831–1867. Москва, 1867. С. 13). Здесь и далее названия произведений авторов XIX в. приводятся в современной орфографии. — *О. Осн.*

²² В этом смысле наш тезис противоречит утверждению И. Булкиной, которая считает, что в придании Киеву «русского» характера большую роль

Неудивительно, что в русском публицистическом дискурсе, сохранявшем свою полемическую антипольскую заостренность в течение всего XIX в., именно тождественность религиозной обрядовости становилась основой этнокультурного отождествления населения присоединенных земель с «русскими» в совершенно традиционалистском духе: «Поляки не должны забывать, что при разделении Польши, Россия взяла у нее не польские провинции населенные польским народом, но свои древние русские области с русским народом, с русским языком и русскою верою»²³. Заметим, что порядок перечисления примет «русскости» местного населения не должен вводить нас в заблуждение; он воспроизводится в работах различных авторов, но положение религии (веры), как кажется, указывает на ее место как последнего — и потому важнейшего и решающего (в сознании российских деятелей) аргумента: «Разве Белоруссия, Волынь, Подолия есть Польша? Это было временное новое завоевание, и если мы захотим отказаться от нового своего завоевания, то есть от самой Польши, то разве может кто-нибудь, с здравым человеческим смыслом спрашивать у нас в придачу часть России, с русскими жителями, с русским языком, с русскою верою?»²⁴. Этому обнаруживаются и довольно пространные и весьма эмоциональные обоснования: «Народ ее (Западной Руси) сохранил все русские обычаи, и даже религия, несмотря на все угнетения и усилия, была в большинстве случаев, особенно в Юго-Западном крае, православною. Ничто, ни презрение и ненависть польских панов и шляхты, ни горячая проповедь ксендзов в защиту католицизма, ни притеснения и угрозы, — ничто не заставило западно-русский на-

играла намеренная секуляризация культурного пространства: см. Булкина И. Борьба за «русскую» Малороссию при Николае I // «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели: Колл. монография. Тарту, 2012. С. 71–90.

²³ Последнее пятидесятилетие Польши, с 1764 по 1814 год (краткий исторический очерк). Соч. И. Кулжинского. Киев, 1863. С. 13.

²⁴ Письмо о Польше. 1854 // Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний М.П. Погодина. С. 41.

род сделаться отступником от родной своей веры, ничто не принудило его изменить своей народности: он мужественно перенес все невзгоды и, к чести и славе своей, остался верным своей церкви и народности»²⁵.

Заметим, что украинский крестьянин также осознавал себя прежде всего частью сословной и конфессиональной общности, опирающейся на традиционную культуру (традиции, обрядность, верования, фольклор), но также и на языковое употребление. Однако замечание известного украинско-канадского исследователя С. Екельчика о том, что стремление российской официальной идеологии «огрaдить сельское население, русское и по большей части православное, от угнетения польско-католическим дворянством» сталкивалось с языковыми привычками крестьян на Правобережье, «которые упорно пользовались украинским языком»²⁶, требует некоторого уточнения. Народный диалект (в данном случае подольско-волынский), использовавшийся в повседневном общении, в низовом языковом сознании далеко не сразу обретает функцию маркера, отграничивающего «свое» этноязыковое пространство от «других» (польского, еврейского, русского). Действительно, подобную роль выполнял язык в интермедиях XVII–XVIII вв., где за каждым персонажем — представителем определенной этносоциальной группы — была закреплена своя «языковая маска»²⁷. Однако для языкового сознания XIX в. это был лишь элемент обыденного поликультурного опыта, общения на рынке, в шляхетской усадьбе

²⁵ «Отторженная возвратих». Падение Польши и воссоединение Западно-Русского края. Сочинение А.П. Липранди (А. Воынец). СПб., 1893. С. 5. В этом смысле показателен также псевдоним автора, подчеркивающий его связь с регионом, судьбу которого он обсуждает.

²⁶ Цитата из уже упоминавшегося учебника Д.И. Иловайского, подробнее см.: Екельчик С. Великий наратив і його розриви: Україна в російських підручниках з історії та уявленні українських студентів (1830–1900-ті роки). С. 84.

²⁷ О лингвистической специфике интермедий см., в частности: *Передрієнко В.* Староукраїнські тексти другої половини XVI–XVIII ст. як об'єкт лінгвістичного аналізу // *Ucrainica I. Současna ukrajinstika. Problemy jazyka, literatury a kultury.* Olomouc, 2004. С. 49–56.

и т.п. В то же время одним из важных компонентов традиционной (само)идентификации украинских крестьян на Правобережье (и не только) было внимание к языку не повседневности, а религии, и здесь закрепление за церковнославянским языком — общим для всех православных — сакральной функции приобретало особое значение, тем более что речь идет о культурном пограничье, где противопоставленность «латинникам» всегда была крайне актуальной. Убежденность в особой роли языка религии, способного объединять народы, транслировалась и собственно украинскими славянофилами, как например, автором романтической поэмы «Богдан» Е.П. Гребёнкой, которая датируется 1843 годом, написана по-русски (в отличие от его знаменитых басен) и содержит весьма красноречивый пассаж: «И вижу я, там царство без границ / Надвинулось на многие моря, И запад и восток, и юг и север — В одно слились, везде язык славянский, Везде святая праведная вера. И правит им великий царь... И царство то чудесное — Россия»²⁸. Специфическую иерархию языков в коммуникации на украинских землях отмечали и такие публицисты, как известный защитник официального «русского» характера присоединенных земель И. Кулжинский (не чуждый, впрочем, украинского языка, о чем свидетельствует сама форма его памфлетов). Так, аргументируя абсурдность притязаний украинского языка на проникновение в сферу высокого и сакрального, И. Кулжинский в своем памфлете «О зарождающейся так называемой украинской литературе» приводит рассказ о проповеди молодого попа, который в той части речи, которая была обращена к крестьянам, говорил на украинском языке и вызвал, по словам автора, недовольство слушателей, ибо «он посмеялся над ними: в церкви заговорил до них такой мовою, как они в шинке ла-

²⁸ Заметим, эти слова автор вкладывает именно в уста Б. Хмельницкого, а не его оппонента — священника. Цит. по: *Комаров А.И.* Украинский язык, фольклор и литература в русском обществе начала XIX века // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. 1939. Вып. 4. С. 152.

ются меж собой»²⁹. В этом смысле усилия российских властей по защите православных действительно опирались на определенную базу, что и показала крайне неустойчивая конфессиональная ситуация на Правобережье в конце XVIII — начале XIX в., когда приходы несколько раз в течение трех десятилетий, в том числе по просьбе самих прихожан, меняли свою конфессиональную принадлежность, переходя из унии в православие и обратно³⁰.

Украина как «утраченный рай» в концепции польского романтизма

В свою очередь, специфика польской идентичности в бывших восточных областях Речи Посполитой состояла в том, что она строилась во многом именно как традиционная и региональная по своей сути, а учитывая прочные позиции поляков в административной и культурно-образовательной сферах в Западном крае даже после разделов³¹, на первый план выдвигалась сословно-политическая идентификация³², сопряженная с причастностью к политическим

²⁹ Памфлет вышел отдельным изданием в 1863 г., но отражает вполне распространенные взгляды на украинский язык и в более ранний период. О нем, в частности, см.: *Комаров А.И.* Украинский язык, фольклор и литература. С. 153.

³⁰ На неоднозначность этого процесса и его разнонаправленность обращается внимание в: *Хітлач Б.* Церковна унія в містах і містечках Поділля у XVIII — першій половині XIX ст. // *Міста і містечка Поділля від доби Середньовіччя до початку XX століття.* Матеріали наукової конференції 24–25 вересня 2015 р. Вінниця, 2016. С. 170–181. Процесс ликвидации униатской церкви подробно освещается в монографии: *Лось В.* Уніатська церва на Правобережній Україні наприкінці XVIII — першій половині XIX ст. Організаційна структура та культурно-релігійний аспект. Київ, 2013.

³¹ О системе образования в этот период см.: *Zasztowt L.* Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 roku) // *Historia i współczesność języka polskiego na Kresach wschodnich.* Warszawa, 1997. S. 203–298; *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832. T. II. Szkoły podstawowe i średnie. Lublin, 1991; эта проблема разбирается также в русском и украинском переводах книг *Д. Бовуа: Російська влада і польська шляхта в Україні 1793–1830* / Пер. з фр. З. Борисюк. Львів, 2007; *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Пер. с фр. М. Крисань. М., 2011.

³² Ср. аналогичный характер идентичности у остзейских немцев: *Хиршхаузен У., фон.* Сословие, регион, нація. С. 472–473.

институтам, тем более что они продолжали сосуществовать с имперскими (например, в судебной сфере) по крайней мере в течение первых десятилетий XIX в. Важную роль в польском региональном сознании играла связь с территорией, описываемой нередко в категориях «утраченного рая», как земли «текущей медом и молоком»³³, весьма значимым было также осознание культурной общности, которая строилась как на общих традициях политической и сословной культуры, так и с учетом культуры народной, «открываемой» заново в эпоху Романтизма. Важно подчеркнуть, что для польского (как, впрочем, и для русского) культурного круга той эпохи отношение к украинскому фольклору и языку диктовалось не характеристиками по линии *свое / чужое*, а положением на шкале *народное (т. е. истинное, природное) / принадлежащее к высокой культуре*. Так, например, для Ю. Словацкого — одного из ведущих польских романтиков, который прямо называл себя «волынцем»³⁴, «это была народная культура его края, в котором он вырос, то есть *родная* культура, которую, по убеждению романтиков, он призван был превратить в высокую культуру, культуру национальную. Это значит, что культурно-географическое понятие Украины в сознании поэта было связано с понятием отчизны, малой родины, но никогда не было чем-то экзотическим и уж тем более

³³ Впрочем, с этим мифом сочеталось также осознание этнически неоднородного и потенциально конфликтного характера данной территории: «Добавить можно также: истекающая кровью, ведь за обладание этими золотonosными нивами сражались между собой народы, выдирая по очереди друг у друга этот притягательный трофей. Следы владычества разных народов здесь прекрасно можно прочувствовать в названиях местностей: наряду с чисто местными, как, напр., Кудринцы, Слобода, Тростянец или Перепеличы, довольно густо рассеяны поселения с польскими названиями, как: Курники, Волица, Роскошь, Плебановка. Обнаруживаются здесь и названия татарские, или турецкие»: *Janowski A. Podole. Odczyty krajoznawcze. III. Polskie Towarzystwo Krajoznawcze. Warszawa, 1908. S. 5.*

³⁴ По его собственным воспоминаниям, в 1834 г. в Женеве на замечание некой дамы: «Видно, что Вы с Волины — волынец, по-волынски танцуете мазурку», поэт ответил: «И то правда, что мы, волынцы, — хлопцы хоть куда» (*Słowacki J. Korespondencja. T. 1. Wrocław, 1962. S. 266–267*).

чужим»³⁵. Аналогично ни заметный налет экзотизации в произведениях о Малороссии, публиковавшихся в начале XIX в. в российских столичных и провинциальных (харьковских и киевских) изданиях, ни призыв О. Сомова к романтическим поэтам обратиться к Украине как к источнику поэтического вдохновения³⁶, ни сравнения ее со «славяно-русскою Италией», что, по мнению Н.И. Надеждина, делало «знакомство с ее языком и литературой по ногим важным причинам для североруссов теперь совершенно необходимо»³⁷, не означали, что украинский фольклор (или язык) является чем-то чуждым для русской литературы и культуры или отдельным от нее. Напротив, по верному замечанию исследователя начала XX в. А.И. Комарова, смысл публикации фольклорных сборников и литературных произведений на «малороссийском наречии» состоял в стремлении «доказать общие корни народности русского и украинца, а также то, что украинец более сохранил ее в неприкосновенности»³⁸. Аналогичную роль в культурном сознании играли записи украинского фольклора польскими этнографами, а использование фольклорных фрагментов в литературном творчестве призвано было подчеркнуть связь героев-поляков со «своей» малой родиной³⁹.

³⁵ *Makowski St. Juliusz Słowacki: Narodziny poety «szkoły ukraińskiej» // Україна і Польща доби романтизму: образ сусіда. Матеріали міжнародної конференції, присвяченої 190-річчю з дня народження Юліуша Словацького. Кременець, 8–11 вересня 1999 року. Кременець, 2000. С. 40.*

³⁶ Его манифест «О романтической поэзии» датируется 1820-м гг., подробнее см.: *Комаров А.И. Украинский язык, фольклор и литература. С. 143.*

³⁷ *Надеждин Н.И. Телескоп. 1834. Ч. 21. С. 146 (цит. по: Комаров А.И. Украинский язык, фольклор и литература. С. 151).*

³⁸ Там же. С. 143.

³⁹ Подробный анализ деятельности польских собирателей фольклора и украинских фольклорных мотивов в польской литературе эпохи романтизма см.: *Кирчів Р. Український фольклор в польській літературі. Київ, 1971. Примером использования фольклора в литературных текстах могут служить фрагменты народных песен в романах Михала Чайковского, см.: Czajkowski M. Owruczanin. Powieść historyczna z 1812 roku // Czajkowski M. Pisma. Lipsk, 1863. 4–6. Biblioteka pisarzy polskich. T. XVI. S. 291–298.*

«Изобретение» Украины в польской и русской литературе и открывание народного языка в начале XIX в.

Принятое в теории национализма выделение «политического» и «этнического» национализма⁴⁰ непосредственно связано с отношением его идеологов к языку как к инструменту и критерию идентификации. В украинском случае собственно национальный дискурс, по общепринятому мнению, формируется как выражено этнический и начинается с попыток коммуникативной эмансипации народного языка, начавшейся на Левобережье в 1820-е гг., в том числе благодаря стихотворным опытам поэтов-романтиков. Введение народного крестьянского языка (оцениваемого как «низкий») в сферу «высоких» коммуникативных функций, первой из которых становится литература, является лишь частным проявлением этой общей тенденции и стоит в одном ряду с собиранием фольклора, интересом к истории и пр. С. Екельчик на разнообразных примерах показывает, как элементы традиционного народного быта используются «украинофилами» для конструирования украинской «высокой культуры» в XIX в., объединившей казацкие символы с крестьянскими обычаями и традициями в единый национальный миф⁴¹, что позволило сформировать корпус текстов, рассматриваемых сегодня как прецедентные, хотя они могли и не рассматриваться как таковые при их создании.

Романтизм стал своеобразным «изобретением» Украины, происходившим фактически одновременно в каждой из

⁴⁰ Применительно к Польше эту теорию развил А. Валицкий в: *Walicki A. Philosophy and Romantic Nationalism: The Case of Poland.* Oxford, 1992. P. 66–69; о чертах этнического национализма см.: *Smith A. The Ethnic Origins of nations.* Oxford, 1986; *Сміт Е.* Культурні основи націй: ієрархія, заповіт і республіка. Київ, 2010. С. 37.

⁴¹ Подр. см.: *Yekelchuk S. The Body and the National Myth: Motifs from the Ukrainian National Revival in the Nineteenth Century // Australian Slavonic and East European Studies.* 1993. Vol. 7. N 2. P. 31–59; украинский перевод: *Екельчик С.* Тіло і національний міт: до картини українського національного відродження XIX століття // *Українофіли. Світ українських патріотів другої половини XIX століття.* С. 19–49.

трех национальных парадигм (русской, польской и украинской), и предполагал, среди прочего «открывание» не только народных традиций и фольклора, но и народного языка. Романтическая идеализация сущности языка естественным образом приводила к стремлению зафиксировать его в письменной и/или литературной форме. Русский дворянин А. Павловский в своей «Грамматике малороссийского наречия» (1818) создал важный научный прецедент, составив фонетический и грамматический реестр единиц языка с элементами лексикографического описания и включив примеры текстов⁴² на «наречии», которое сам он считал вымирающим, но сохраняющим исконные «народные» черты. Примечателен географический охват этого явления: фактически одновременно появляются попытки фиксации народной речи в различных регионах Украины. В этом смысле «Русалка Дністрова» (1837) (изданная в Вене усилиями галицких культурных деятелей Я. Головацкого, И. Вагилевича и М. Шашкевича) была столь же знаковым событием, как и появление первых стихотворных произведений на Левобережной Украине и переводов с польского и русского языков на украинский⁴³. Создание текстов, которые позже станут «образцовыми» для нового украинского стандарта и прецедентными для украинской культуры в целом, активизируется к 1840-м гг. — именно этим годом, в частности, датируется появление «Кобзаря» Т. Шевченко. Это повлияло в том числе на изменение читательских вкусов и расширение круга читателей в этот период. Так, известный этнограф и писатель А.С. Афанасьев (публиковавшийся под псевдонимом Чужбинский) отмечал, что именно в 1840-е гг. «среди женской части поме-

⁴² Шевченко Л.І. Динаміка розвитку стилів української літературної мови: інтелектуалізація як функція // Шевченко Л.І. Інтелектуальна еволюція української літературної мови. Теорія аналізу. Київ, 2001. С. 311–320.

⁴³ Кстати, одним из первых переводчиков А.С. Пушкина на украинский язык был упомянутый выше Е. Гребенка, а стихотворений А. Мицкевича — Г. Квитка-Основьяненко. Подробно разбирает этот процесс в своем исследовании А.И. Комаров: Комаров А.И. Украинский язык, фольклор и литература. С. 125–158.

щиков началось стремление к национальной литературе: они наперерыв читали «Кобзаря» Шевченка... В то время кроме «Энеиды» Котляревского, которой девицам читать не давали, на украинском языке были уже повести Квитки, Полтава и Приказки Гребенки, имелись везде рукописные сочинения Гулака-Артемовского; но все это читалось как-то вяло высшим кругом. Появление «Кобзаря» мигом разбудило апатию и вызвало любовь к родному слову, изгнанному из употребления не только в обществе высшего сословия, но и в разговоре с крестьянами»⁴⁴. Изменить статус «родного слова» призваны были и первые (рукописные) словари и грамматики (П. Белецкий-Носенко «Про мову малоруську», 1838), в том числе западноукраинские⁴⁵, а также словарные опыты (в том числе Я. Головацкого и И. Вагилевича), что знаменовало начало процесса кодификации. Заметим, что именно этот аргумент — отсутствие грамматических правил и литературной обработки — был использован в 1815 г. редактором-издателем «Вестника Европы» М.Т. Каченовским в качестве аргумента, не позволяющего признать украинский язык самостоятельным, как это призывал сделать профессор Краковского университета Й. Бандтке, перевод статьи которого «Замечания о языках богемском, польском и нынешнем российском» был помещен в журнале⁴⁶.

Место украинского языка в национальных проектах XIX в.

В украинском случае соревнование национальных проектов в XIX в. (имперского проекта большой русской нации, ретроспективного по своей сути польского проекта политической нации и собственно украинского проекта «народной» нации — *Volksnation*) воплотилось в сфере языковой идео-

⁴⁴ Афанасьев-Чужбинский А.С. Воспоминания о Т.Г. Шевченко. СПб., 1861. С. 7 (цит. по: Филипович П. Соціальне обличчя українського читача 30–40 рр. XIX ст. // Життя і революція. 1930. Кн. 4. С. 145).

⁴⁵ О галицких грамматиках см. подр.: Мацюк Г. Прескриптивне мовознавство в Галичині (перша половина XIX ст.). Львів, 2001.

⁴⁶ Вестник Европы. 1815. Ч. 1. XXXIV. № 21, 22. С. 123; об этом см. также: Комаров А.И. Украинский язык, фольклор и литература. С. 130.

логии прежде всего как конкуренция различных моделей построения литературного языка. Этот процесс отмечается в разных сферах языкового строительства; особенно острые формы приобрела дискуссия в сфере правописания. Вопрос о том, будет ли украинское письмо фонетическим, а значит, потребует ли оно введения специфических букв и их сочетаний для характерных украинских звуков, или этимологическим, использующим по традиции буквы русского алфавита, был решен лишь к концу XIX столетия; свою роль в затягивании этой дискуссии сыграла и конкуренция кириллического и латинского шрифтов⁴⁷. Известный украинский языковед П.Е. Гриценко выделяет на начальной стадии формирования украинского литературного языка пять его моделей, ориентированных на различные региональные говоры: кроме центральной среднеподнепровской, оказавшейся наиболее авторитетной и значимой, это галицийская, буковинская, закарпатская и русинская⁴⁸.

Наши исследования показывают, что украинское Правобережье в начале — середине XIX в. вполне может рассматриваться как еще одна — шестая (с учетом пяти выделенных П.Е. Гриценко) — культурно-языковая зона, обладающая своей ярко выраженной спецификой в отношении всех составляющих языковой идеологии. Как показывает наш материал, здесь, как и на других украинских землях, шла выработка наддиалектного койне, велась текстовая кодификация нового литературного стандарта и предпринимались усилия для его коммуникативной эмансипации. Местное своеобразие состояло в том, что первые произведения на украинском языке на Правобережной Украине были созданы двуязычными писателями — выходцами из поль-

⁴⁷ Об этом подробнее см.: *Миллер А.И., Остапчук О.А.* Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике империй // *Славяноведение*. 2006. № 5. С. 25–48.

⁴⁸ *Гриценко П.Е.* Некоторые замечания о диалектной основе украинского литературного языка // *Philologia slavica: к 70-летию академика Н.И. Толстого*. М., 1993. С. 284–294; таким образом, в этой работе известный украинский диалектолог подвергает сомнению неоспоримость традиционно тезиса о полтавско-киевских диалектах как базе современного украинского языка.

ской или полонизированной местной шляхты, представителями так называемой «украинской школы» в польской романтической поэзии (А. Мальчевский, С. Гоцинский, Б. Залесский, М. Гославский и др.) или — что в данном случае лучше отражает суть явления — польской школы в украинской литературе⁴⁹. Однако — что особенно важно — роль украинской тематики в польском романтизме не ограничивалась литературными произведениями «украинской школы», проявившись в широкой гамме беллетристических, этнографических и исторических трудов, что обеспечило ей особый резонанс в процессе формирования новых параметров коллективного сознания⁵⁰.

Такое своеобразное отношение к языку объясняется тем, что польский национальный проект в начале — середине XIX в. предполагал совершенно иную, чем в этническом национализме, иерархию структурных компонентов идентичности, включая культурные. «Язык — при признании его важности в иерархии признаков нации — не был и не мог быть единственным критерием принадлежности к ней, поскольку, как по мнению обычного поляка, так и представителя интеллектуальной элиты, членом национального сообщества был также украинец, владеющий украинским языком, или литвин — литовским»⁵¹. В среде

⁴⁹ В междисциплинарных исследованиях последних десятилетий наметилась тенденция к трактовке литературы украинско-польского культурного пограничья в наднациональных категориях, что позволяет избежать ее приписывания только к одной из культур / литератур. В рамках такого подхода отмечается контактно-типологическая общность произведений разных жанров, основанная на близости мировосприятия и стилистики, а также языка, насыщенного региональными чертами и следами интерференции. См. об этом, в частности: *Єршов В.* Польська мемуаристична література Правобережної України доби романтизму. Житомир, 2010. С. 130–133.

⁵⁰ Об этих и других важных аспектах развития украинской идентичности в связи с польской см.: *Грабович Гр.* Формування української національної свідомості і питання польських впливів // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine. The Foundation of Historical and Cultural Traditions in East-Central Europe. International Conference, Rome, 28 April — 6 May 1990 / Ed. J. Kłoczowski, J. Pełeński, M. Radwan, J. Skarbek, S. Wylężek. Lublin–Rome, 1994. С. 19–31.

⁵¹ *Nowak J.* Naród i narodowość w polskiej myśli romantycznej // Naród — Tożsamość — Kultura. Między koniecznością a wyborem / Pod red. W.J. Burszty, K. Jaskułowskiego, J. Nowak. Warszawa, 2005. С. 210.

польских мыслителей эпохи романтизма идентификация исключительно на базе единства этнического языка не получила широкой поддержки, предпочтение было отдано идее *Natione Polonus*, т. е. территориально-исторической общности, заведомо полиэтнической (а значит, и многоязычной), опирающейся на единство культурно-исторических традиций и системы ценностей, прежде всего политических. В этом исследователи усматривают попытки соединения старых концепций политической нации эпохи Просвещения с характерным для Романтизма признанием ценности культурной общности. Вот как иронически излагает суть польской национальной идеологии того времени И.С. Аксаков в своем известном политическом памфлете: «Если им [полякам. — *О. Осм.*] указываешь на массу простого народа, резко отличающуюся от польского — языком и верою, то они говорят, что народ — это *bydło*, скот, что сила не в нем, а в шляхте, что народность состоит не в языке и вере народных масс, а в культуре и так сказать в политическом вероисповедании, в политической национальности образованных классов»⁵². При этом особую значимость приобретает осознание и чувство привязанности к общей национальной территории, в которую по умолчанию включаются утраченные в результате разделов земли⁵³. Правобережная шляхта фактически до конца XIX в. считала себя интегральной частью польской нации⁵⁴, свидетельством этого является, в частности, активная вовлеченность ее представителей в польское восстание 1830–1831 гг.⁵⁵, а затем и 1863 г.

В то же время существенной составляющей идентичности «кресовой» шляхты было осознание своей региональной обособленности. Для местных поэтов факт рождения на украинских землях означал одновременно самоидентификацию с украинскими землями как с малой родиной и

⁵² Аксаков И.С. По поводу притязаний поляков. С. 38.

⁵³ Nowak J. *Naród i narodowość*. S. 211.

⁵⁴ См. подробнее: Thaden E.C. *Russia's Western Borderlands, 1710–1870*. Princeton NJ, 1984. P. 33, 79.

⁵⁵ О выходах с «кресов»: Leslie R.F. *Polish Politics and the Revolution of November 1830*. University of London, 1956 (reprint ed. Westport, Conn, 1969). P. 114–118.

с Польшей — как с большим отечеством⁵⁶. Романтическая идеализация совместного прошлого, оцениваемого в категориях «утраченного рая», доминирует как в литературных⁵⁷, так и в исторических произведениях того времени, развивавших идеи мессианизма и цивилизаторской роли поляков на украинских землях⁵⁸. Показателен в этом отношении фрагмент из статьи романтика С. Гоцинского, посвященной другому поэту этого направления и земляку Б. Залескому: «Части Польши, называемой Украиной, принадлежит особая миссия в общей миссии всего народа, которая до сих пор не была ясно понята и изложена; она обладает собственными духовными чертами, свойственными ей и ее истории, которые особо выделяют ее среди всех прочих частей и ставят выше всех, короче говоря, там очевидно почил дух свободы польского народа»⁵⁹.

Языковая политика и административная практика Российской империи в Юго-Западном крае

Сохранению специфической ситуации в культурно-языковой сфере способствовал тот факт, что присоединение Правобережья к Российской империи в первые десятилетия XIX в. не вызвало изменений в структуре коммуникации, а русификация носила скорее декларативный характер⁶⁰.

⁵⁶ «Польшу считал Падура своей отчизной, Украину же, являющуюся составной частью Польши, своей малой родиной, своей родной матерью» (цит. по: О зусію і пismach Тумка Padurry // Руśма Тумка Padurry. Wydanie posmertne z awtohrافیw. Lwiw, 1874. S. XVI.)

⁵⁷ *Грабович Г. Грані міфічного: образ України в польському й українському романтизмі // Грабович Г. До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка. Гарвардська серія. Вип. 1. Київ, 1997. С. 177, 180, 188.*

⁵⁸ О представителях «республиканской школы» в польской историографии см.: *Velychenko S. National History as Cultural Process. P 19–26.*

⁵⁹ *Poezye Bohdana Zaleskiego przez Seweryna Goszczyńskiego // Demokrata Polski. 1842. R. IV, Cz. IV, marzec–kwiecień.*

⁶⁰ Термин «административная русификация» использован впервые американским русистом Э. Таденом: *Thaden E.C. Russia's Western Borderlands. P 124; ср. характеристику языковой ситуации на литовско-белорусских землях в: Сяльверстова С. Паміж Польшчай і Расіяй: Моўная сітуацыя ў Беларусі ў канцы XVIII–XIX ст. // Беларусіка–6. С. 123–132.*

Первые русские типографии на украинских землях обеспечивали только служебные нужды присутственных мест⁶¹. Своеобразная административно-культурная автономия западных губерний в царствование Павла I, а затем и Александра I, позволила сохранить за выходцами из местной шляхты ключевые позиции в органах самоуправления, судопроизводства и т. д.⁶². В судах польский и русский языки использовались фактически параллельно⁶³, а делопроизводство западных губерний оставалось по преимуществу польскоязычным. Вот как характеризует ситуацию в западных губерниях польский политический и общественный деятель того времени К. Козьян: «Сохранены права, институты, национальные традиции, обычаи: поляки в российском сенате, в некоторых местах губернаторы, в судах в городах высшие и нижние чины поляки»⁶⁴. Это закрепляло высокий статус польского языка в языковом сознании, более того, его знание было синонимом социального успеха, а для прибывающих на Правобережье из других регионов (в том числе Малороссии) — условием успешной языковой и культурной адаптации. Так, известно, что для усиления миссионерской деятельности в Волынской и Подольской епархиях в начале XIX в. специально подбирались священники со знанием польского языка⁶⁵.

⁶¹ Они специализировались лишь на издании официальных документов, бланков паспортов, пропусков, объявлений и т.п., как государственная типография в Каменце-Подольском (1798 г.), в Киеве (1799 г.), данные из.: *Исаевич Я.* Українське книговидання. Львів, 2002. С. 293.

⁶² О специфике инкорпорации западных губерний в имперскую систему см.: *Thaden E. C.* Russia's Western Borderlands. P. 35, 53, 68, 78, 124. Ср. замечания П.Н. Батюшкова о продолжении политики «ополячивания» в этот период: От издателя // *Петров Н.И.* Подолия. Историческое описание. СПб, 1891. С. XV. О сосуществовании польской и русской судебных систем на Правобережье в первые десятилетия после разделов см.: *Петренко О.* Вінницькі мури на рубежі XVIII—XIX століть // Вінницькі мури. Погляд крізь віки. Матеріали міжнародної наукової конференції «Єзуїтський комплекс у Вінниці крізь призму століть» 9–10 вересня 2010 р. Вінниця, 2011. С. 133–139 (додатки: 139–172).

⁶³ См. решение общего собрания правящего Сената от 1806 г. об использовании польского языка в магистратах, местных судах, а в Главных судах параллельно польского и русского языков: *Свербигуз В.* Старосвітське панство. Варшава, 1999. С. 129.

⁶⁴ *Koźmian K.* Pamiętniki. T. 1. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1972. S. 272.

⁶⁵ *Лось В.* Уніатська церква на Правобережній Україні. Київ, 2013. С. 75.

Особую роль в поддержании высокого коммуникативного статуса польского языка играла система образования на Правобережье, которая и после разделов оставалась по преимуществу польской и польскоязычной, равно как польским было руководство Виленского учебного округа в начальный период его существования⁶⁶. Примечателен в этом смысле лозунг, приписываемый куратору Виленского округа и видному польскому политическому деятелю Т. Чацкому: «Już nie masz Polski, zachowajmy język». Похожую фразу приводит в своих памфлетах И. Кулжинский, упоминая о том, сколь рьяно взялся Т. Чацкий за сбор пожертвований для открываемых им учебных заведений: «Чацкий, держа в руках книгу, приготовленную для записывания пожертвований на задуманный им кременецкий лицей, явился во дворянское собрание, произнес экзальтированную речь, которою воспламенил своих земляков, и хотя думал маскироваться распространением просвещения вообще, но невольно проговорился, что все это предпринимается им “dla ocalenia droższego dziedzictwa — mowy rodaków” — для сохранения родового наследства, — языка своих единоплеменников»⁶⁷. Языком преподавания в школах всех уровней, начиная с приходских и заканчивая гимназиями (Волинская гимназия в Кременце была создана в 1805 г.⁶⁸, Подольская в Виннице — в 1814 г., обе на базе так называемых академических школ) и Виленским университетом, остается польский, обучение ведется по польским программам времен Эдука-

⁶⁶ О системе образования в Западных губерниях в этот период см. сноску 31, а также *Thaden E.C. Russia's Western Borderlands*. P. 68–71; *Петров Н.И.* Подолия. С. 228–232.

⁶⁷ Это происходило на дворянском собрании в Виннице: *Кулжинский И.* Воспоминания о Волини // Волинський музей: історія і сучасність: Матеріали IV Всеукр. наук.-практ. конф., присвяч. 80-річчю Волин. краєзн. музею та 60-річчю Колодяжнен. літ.-мемор. музею Лесі Українки. Луцьк, 2009. С. 457–458.

⁶⁸ Деятельности легендарной Волинской гимназии, получившей статус лицея благодаря стараниям Т. Чацкого и часто называемой в воспоминаниях современников «Волинскими Афинами», посвящена обширная библиография, см. напр.: *Danilewiczowa M.* Życie naukowe dawnego Liceum Krzemienieckiego // *Pierścień z Herkulanum i płaszcz pokutnicy. Szkice literackie*. Londyn 1960. S. 111–171 (pierwodruk w t. XXII *Nauki Polskiej*, 1937); *Sktłodowski J.* Krzemieniec — Ateny Wołyńskie. Warszawa, 2006.

ционной комиссии с использованием учебной литературы преимущественно на польском языке⁶⁹. Впрочем, в учебных заведениях Виленского учебного округа, в том числе в гимназиях, русский язык становится одним из учебных предметов, организуются русские классы. Хорошо иллюстрирует ситуацию в образовании инаугурационная речь М. Мацеёвского — директора только что созданной Подольской гимназии в Виннице, произнесенная им на торжестве по случаю ее открытия, прошедшего в главном городском храме — доминиканском соборе при стечении большого количества горожан 27 сентября 1814 г.⁷⁰ Написанная по-польски⁷¹, речь содержит среди прочего призыв к родителям будущих гимназистов: «Весьма желательно было бы, чтобы молодежь поступала в эти классы, будучи обученной чтению и письму на *родном* (польском. — *O. Ost.*) языке, ... обязанностью домашних учителей будет, чтобы они, прежде чем привести ученика в школу, преподали ему эти науки»⁷². Особое место было уделено в речи директора гимназии русскому языку (упомянутому, впрочем, вторым после латыни, изучение которой объявляется первой обязанностью учеников гимназии): «Второй язык, который юношу в этих классах увлечь должен, это русский язык, ибо он, будучи языком управляющего сегодня нашим краем правительства, необ-

⁶⁹ О преобладании польских изданий в школьных библиотеках на примере библиотеки Кременецкого лицея см.: Булатова С. Книжне зібрання Яблонівських у бібліотеці Кременецького ліцею // Наукові записки НАНУ. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 2. Київ, 2001.

⁷⁰ О роли академических торжеств и мероприятий в культурном пространстве городов Правобережья на примере Винницы см.: Прищеп О. Середні навчальні заклади у формуванні освітньо-культурного середовища міських поселень Подільської губернії (перша третина XIX ст.) // Міста і містечка Поділля від доби Середньовіччя до початку XX століття. Матеріали наукової конференції 24–25 вересня 2015 р. Вінниця, 2016. С. 236.

⁷¹ Показательно в этом смысле, что и при открытии русской гимназии в Киеве в 1812 г., преобладали речи на польском языке (три против одной русской), как, ссылаясь на воспоминания современников, отмечает И. Булкина: Булкина И. Борьба за «русскую» Малороссию. С. 75.

⁷² Mowa o istotném postanowieniu Szkoły uczonej Gimnazjum nazywającej się I o stosunkach iéy z jnnémi Szkołami mianá na Uroczystém otwarciu Gimnazyum Podolskiego dnia 27 Września 1814. Roku przez J.X. Michała Maciejowskiégo dyrektora tegoż Gimnazyum w Winnicy. W Krzemieńcu roku 1815. S. 1.

ходим при каждой нужде и в каждом сословии, а поскольку он весьма схож и родственен языку местного крестьянина и жителя городов, посему нужен нам прежде всего»⁷³: таким образом, русский язык характеризуется как необходимый, но «чужой», пусть и родственный распространенному в крае украинскому (языку крестьян).

Иерархия языков в языковом сознании представителей региональной элиты

Уже университетский Устав 1804 г. требует перевода образования на русский язык, это требование повторяется в Уставе 1825 г., но для его исполнения не было ни ресурсов, ни желания. Согласно штатному расписанию, например, в Подольской гимназии в 1814 г. учитель польской грамматики и риторики относился к категории «старших» учителей, а учитель русского языка — «младших» с почти вдвое меньшим жалованьем и классами, организованными из гимназистов разных лет⁷⁴. Официальный ранг учителя сочетался с совершенно определенным имиджем учителя в сознании гимназистов. Так, один из них, учившийся в Виннице в 1814–1819 гг. Фр. Ковальский и оставивший воспоминания (по-польски), прямо называет себя «украинцем» и отмечает, что «родная» (т. е. польская) история, риторика и литература преподавались в Виннице на уровне, не уступающем лицу в Кременце, и особо выделяет учителя польского языка⁷⁵. Его

⁷³ Mowa o istotném postanowieniu Szkoły uczonej Gimnazjum nazywającej się I o stosunkach iéy z jinnými Szkołami mianá na Uroczystém otwarciu Gimnazyum Podolskiego dnia 27 Września 1814. Roku przez J.X. Michała Maciejowskiégo dyrektora tegoż Gimnazyum w Winnicy. W Krzemieńcu roku 1815. S. 2.

⁷⁴ Об этом см.: Колесник В. Польська і російська гімназії в Мурах в першій половині XIX ст. // Вінницькі мури. Погляд крізь віки. Матеріали міжнародної наукової конференції «Єзуїтський комплекс у Вінниці крізь призму століть» 9–10 вересня 2010 р. Вінниця, 2011. С. 178.

⁷⁵ Ковальський Фр. Спогади. Уривки // Вінниця у спогадах. Т. 1. XIX — початок XX ст. Кіровоград, 2013. С. 27–28. Текст воспроизводится по: Wspomnienia (1819–1823). Pamiętnik Franciszka Kowalskiego. Kijów, 1912. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность ст. науч. сотруднику Винницкого областного музея, к. ист. наук В. Колесник за предоставление доступа к этому крайне важному сборнику источников по истории Подолья.

мнение об учителе Я. Стычинском подтверждают и другие его соученики, в частности, известный впоследствии литератор и издатель А. Гроза, который писал, что тот, «увлекаясь исключительно наукой, прививал ученикам охоту и любовь к польскому языку, литературе, поощрял их, чтобы они во время каникул записывали местные присказки и легенды, собирали старые польские книги, где бы они их ни встретили и нашли и привозили их список; имел внушительное собрание старых польских книг... Способных он поощрял к писанию, велел приносить ему опыты»⁷⁶.

Одновременно в дневниковых записях обнаруживаем многочисленные свидетельства нежелания изучать русский язык⁷⁷. Негативное отношение к учителю русского языка было одним из элементов распространенных настроений среди шляхты, жившей на бывших польских землях. Так, уже упоминавшийся А. Гроза приводит в своих воспоминаниях рассказ о посещении гимназии кн. А.Е. Чарторыйским, который в беседе с учителем математики Я. Миладовским и ее префектом, осведомившись о настроениях в гимназии и отношении к «москалям» и услышав в ответ, что студенты стараются избегать контактов с офицерами, дабы не разжигать ненависти, якобы парировал: «Cultivez cette haine, cultivez» (фр. Растите эту ненависть, растите)»⁷⁸.

Впрочем, здесь нельзя исключить субъективности впечатлений, связанных с происхождением и кругом общения автора воспоминаний. Весьма показательны в этом отношении мемуары И. Постолювского, выходца из мещан и одного из немногих православных среди учеников гимназии (в 1819–1830 гг.), который как раз поддерживал связи с русскими офицерами. В отличие от многих своих соучеников, воспоминания он написал по-русски (пред-

⁷⁶ Гроза А. [Спогади про Подільську гімназію, переказані Геленіюшем]. Уривок // Вінниця у спогадах. С. 67. Воспроизводится по: *Heleniusz. Wspomnienia lat minionych*. Kraków, 1976. Т. II. Grozowie. S. 307–320.

⁷⁷ Jełowicki A. *Moje wspomnienia*. Warszawa, 1970. S. 19.

⁷⁸ Гроза А. Уривок. С. 66.

положительно уже в конце XIX в., первая их публикация датируется 1879 годом), хотя и вставляет в них польские цитаты, как, например, стихотворение из газеты «Dziennik Wileński». Польский язык для него, вероятнее всего, не был родным, этим могут объясняться определенные сложности в обучении, неудивительно, что он дал крайне нелицеприятную характеристику тому самому учителю польского языка и латыни Я. Стычинскому, которого он называет «экс-иезуитом» (что, скорее всего, не было правдой) и обвиняет в применении телесных наказаний и насаждении атмосферы страха⁷⁹.

«Сделать из польских детей россиян»: языковая политика в сфере образования после 1831 г.

Ситуация в учебных заведениях Западных губерний кардинально меняется только после подавления восстания 1830–1831 гг. и фактического уничтожения польской системы образования, что стало одной из ответных репрессивных мер правительства⁸⁰. Обсуждались даже планы по переводу всех училищ на левый берег Днепра «для искоренения духа полонизма»⁸¹, или — как писал современник этих событий Ф. Равита-Гавроньский, участник следующего польского восстания 1863 г., от педагогов требовали лишь, чтобы «из польских детей они как можно быстрее сделали россиян, верных подданных царя»⁸². Польские учебные заведения были закрыты, учителя уволены, а на их месте были организованы русские школы и гимназии.

⁷⁹ *Постоловський Й.* Воспоминания ученика гимназии (1815–1830) // Вінниця у спогадах. С. 21. Печатается по: [Й. Постоловський]. Воспоминания ученика гимназии (1815–1830) // Омикрон. Винницькі Мури як источник просвещения в крає. Вінниця, 1913.

⁸⁰ *Пилипчук О.Я., Коновець О.Ф., Ярецько Л.П.* Історія науки та освіти в Україні. Київ, 1998. С. 33–35.

⁸¹ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 214.

⁸² *Rawita-Gawroński Fr.* Rok 1863 na Rusi. 2. Ukraina, Wołyń, Podole. Lwów, 1903. S. 5.

Тот факт, что в создании Киевского университета св. Владимира большую роль сыграли преподаватели расформированного Волынского лицея, получил крайне неоднозначные оценки как со стороны поляков, считающих это полным крахом самой идеи образования, так и русских⁸³. При этом в Винницкой русской гимназии, согласно штатному расписанию 1835 г., учителей русского языка значилось уже двое (вместо одного), и они были причислены к «старшей» категории, учителя же польского языка не было вовсе⁸⁴. Впрочем, по воспоминаниям гимназистов, учившихся в Виннице уже после формального закрытия польской гимназии, как, например, З. Котюжинского, который посещал гимназию в 1839–1841 гг., «от гимназистов требовали даже определенных форм в высказываниях, поэтому они брали частные уроки польского языка»⁸⁵.

Любопытные детали добавляет к образу Винницкой гимназии после ее реорганизации в своих воспоминаниях М.К. Чалый, прибывший в город в 1844 г. для занятия должности учителя русской словесности. Обрисованная им картина выглядит довольно неприглядно и свидетельствует, в частности, о крайне низком уровне преподавания русского языка: «Преподавание Персидским (которого он называет кровным малороссом. — *О. Ост.*) грамматики русской и славянской бедным ученикам его приходилось так же солоно, как и шарпанына: он знал лишь один не-

⁸³ Так, И. Булкина приводит показательную цитату из письма Н.В. Гоголя В.В. Тарновскому от 7.08.1834: «Ну, какой сволочи набрали в ваш киевский университет! ... Новый университет! тут бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новых профессоров, а вместо этого набрали старой плесени из глупого кременецкого лицея» (цит. по: «Известная фамилья»: польский патриот граф Тадеуш Чацкий // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова*. Тарту, 2011. С. 254. Сноска 2). [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/Stud_Russica_XII/Bulkina.pdf, режим доступа — свободный.

⁸⁴ Колесник В. Польська і російська гімназії в Мурах в першій половині XIXст. // *Вінницькі мури. Погляд крізь віки*. Матеріали міжнародної наукової конференції «Єзуїтський комплекс у Вінниці крізь призму століть» 9–10 вересня 2010 р. Вінниця, 2011. С. 181.

⁸⁵ *Котюжинський З.* Спогади. Уривок // *Вінниця у спогадах*. С. 77. Воспроизводится по: *Pamiętniki Zygmunta Kotiuzynskiego*. Kraków, 1911. S. 3–4.

мудреный опыт «от сих пор и до сих»: дети должны были зубрить разную дребедень, не пропуская ни йоты, затверживая не только все исключения из правил по грамматике Греча, но и все 24 «отмены» из руководства Востокова и заучивая наизусть весь словарь на букву ять»⁸⁶. Довольно красноречивыми выглядят и приводимые им портреты сослуживцев (по большей части выходцев из Юго-Западного края или Малороссии, в этом смысле политика формирования преподавательского состава мало изменилась, только теперь выбирались выходцы из православной или униатской части населения) и характеристика языкового употребления. Так, представляя учителя французского языка Граса, он так описывает его речь, ставшую, очевидно, результатом спонтанного усвоения языковых привычек жителей Правобережья: «Живя <...> постоянно в западных губерниях у польских панов в качестве гувернера, усвоил себе такое странное наречие, что как заговорит, так и не разберешь, на каком диалекте он объясняется: тут были слова польские, малорусские, французские и даже еврейские, но только не русские»⁸⁷. Не менее красноречиво характеризует языковую ситуацию в Виннице того времени тот факт, что воспоминания самого М.К. Чалого, уроженца Новгород-Северского и выпускника Киевского университета, изначально изобилующие украинизмами и наполненные цитатами из Котляревского, при передаче впечатлений от общения с местным дворянством наполняются пространными польскими цитатами⁸⁸.

⁸⁶ Чалый М. Воспоминания. Уривок // Вінниця у спогадах. С. 93. Воспроизводится по: Воспоминания М.К. Чалого. Вып. 1–2. Киев, 1890, 1895.

⁸⁷ Там же. С. 94.

⁸⁸ Так, он передает со слов пана Клюковского случай, когда его «доброцей» выпал из «нейтычанки» и больно ушибся «aż do tych czas kargi bola, a wszystko to, powiem panam, przez osła, przez to paskudne stwożenie» (орфография сохранена) (Там же. С. 99). Кроме полонизмов, функционирующих здесь как экзотизмы (доброцей — *dobrodziej*), в цитате отмечаются и характерные регионализмы (типа нейтычанка — повозка), так и орфографические и грамматические ошибки, свидетельствующие о его недостаточном владении польским языком, с которым он, видимо, был больше знаком «со слуха».

«Панский» и «мужицкий» языки в культурно-языковом ландшафте Правобережья

Социальная структура населения Правобережья обусловила тот факт, что украинский язык в первой трети XIX в. присутствовал только в сфере повседневного общения и использовался, как правило, представителями низших сословий в ситуациях, заведомо неофициальных (например, на рынке)⁸⁹. В культурной коммуникации безусловно преобладал польский язык, именно в этом смысле следует трактовать цитату А.И. Аксакова, который с горечью отмечал (уже в 1860-е гг.): «Все высшие классы, обладающие поземельной собственностью, образованием, средствами духовными и материальными, принадлежит польской народности, не столько по происхождению (они большей частью русские туземцы), сколько по духу, нравам, жизни, религиозным и политическим верованиям. Представителями местной русской народности являются только: простой народ и православное духовенство»⁹⁰.

На момент присоединения к империи украинское население составляло здесь подавляющее большинство (3006,0 тыс. человек из 3421,9 тыс. человек — 87,9 %) ⁹¹, обладая при этом самым низким социальным статусом. Украинская деревня, польская усадьба и польско-еврейско-украинское местечко ⁹² — таким оставался образ региона в течение всего рассматриваемого периода, что оказывало непосредственное влияние на ситуацию в сфере устного

⁸⁹ О социальной стратификации многоязычного сообщества см.: *Trudgill P. Sociolinguistics. An introduction to language and society. 4th ed. London, 2000. P. 23–42*; *Карлинский А.Е. Социально-экономическая структура общества и двуязычие // Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989. С. 8.*

⁹⁰ *Аксаков И.С. Племя малорусское или южно-русское // Сочинения И.С. Аксакова 1860–1886: Т. [1–7]. М., 1886–1887. С. 39.*

⁹¹ Поляков было 266,2 тыс., евреев — 123,5 тыс., русских — 3,9 тыс., статистику относительно количества населения см.: *Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. М., 1992. С. 123.*

⁹² *Janeczek A. Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo belskie od schyłku XIV do początku XVII w. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1991. S. 303.*

общения. Сведения, дошедшие до нас в топографических описаниях городов и городских поселений создают детализированную, но и еще более пеструю картину. Так, в Топографическом и камеральном описании Подольской губернии 1800 г., чаще всего встречаются такие характеристики социального состава населения: шляхетство, имеющее поселение, шляхта, мещане христианской веры, подданные, духовенство греческого (католического, латинского) исповедания, евреи; упоминаются также купцы христиане, при дворе служители, духовенство униатского исповедания, немцы, цыгане, пилипоны, казенные крестьяне, греческого исповедания старого обряду мещане и купцы⁹³.

Для живших на Правобережье представителей шляхты разнообразие окружающего их культурно-языкового ландшафта явно не было чем-то необычным, но и не замечать его неоднородности они не могли. Как отмечает биограф поэта-романтика Ю. Словацкого, окружающий язык в усадьбе делили, как и во всей Польше, «на “панский” и “мужицкий”, “разговорный” и “салонный” (при этом в салоне явно охотнее говорили по-французски). Народный украинский язык не рассматривался ни в Кременце, ни в подольской усадьбе Михальских как что-то “чужое”. Словацкому не нужно было его учить, как, например, он изучал французский или английский. Ровно так же прислуга в шляхетской усадьбе не учила польский язык. Оба языка в равной мере использовались в коммуникации обеими группами. Свидетельства этого обнаруживаем, в частности, у самого поэта, например, в “Серебряном сне Саломей”: бабушка Груцинских говорит «мужицким» языком — таким же, как и козак Семенко, дворецкий же говорит по-польски, и все прекрасно понимают друг друга. Молодой Словацкий, таким образом, был знаком с украинским языком в местной версии, это был язык волынский, подольский, язык его малой родины»⁹⁴. Вот как

⁹³ Лезун Ю. Міста і містечка Східного Поділля у «Камеральному і топографічному описі Подільської губернії» 1800 року // Міста і містечка Поділля від доби Середньовіччя до початку ХХ століття. Матеріали наукової конференції 24–25 вересня 2015 р. Вінниця, 2016. С. 101.

⁹⁴ Makowski St. Juliusz Słowacki. S. 40.

вспоминает о своем языковом опыте общения с местными крестьянами другой поэт пограничья, С. Гоцинский: «На каникулах я больше развлекался, чем работал; помогал отцу, ведя записки по хозяйству. Я жил с народом, особенно с дворовыми казачками и девками, как живет дитя, учась всему, что слышит, и все хочет слышать и видеть»⁹⁵.

Тот факт, что украинский язык существует в этот период как язык крестьянский⁹⁶, оценивался польскими поэтами не в категориях статуса или коммуникативной значимости, а, в полном соответствии с романтической идеологией, как средоточие «духа» народа и носитель его нравственности: их «украинизм» исходил из того «принципа, что поэзия должна черпать свои соки из легенд и песен народа, среди которого поэт родился и вырос»⁹⁷. Как писал в своем письме один из ведущих поэтов «украинской школы» Ю.Б. Залеский, обращаясь к С. Гоцинскому: «Никогда не предаю я ни Бога, ни народа. Из его торбана я вырос, живую песнь его усвоил и с ней служить мне Польше и с ней мне жить и умирать»⁹⁸. Можно усомниться в том, что в действительности все выглядело столь идиллически, как это описано в процитированном выше фрагменте: речь ни в коей мере не шла о равноправных коммуникативных статусах или одинаковом владении (украинским) языком представителями шляхты и крестьянства; столь же далеки от идиллических были отношения между помещиками-поляками и их крепостными крестьянами-украинцами⁹⁹.

⁹⁵ Goszczyński S. Podróż mojego życia: urywki wspomnień i zapiski do pamiętnika. 1801 / Wyd. St. Pigoń. Wilno, 1924. S. 17.

⁹⁶ О влиянии этого факта на национальное самосознание см.: Pelech O. The State and the Ukrainian Triumvirate in the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831–1847 // Ukrainian Past, Ukrainian Present. Selected Papers for the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies. Harrogate, 1990. New York, 1993. P. 11–12.

⁹⁷ Цитата касается Ю.Б. Залеского: *Trećiak J. Bohdan Zaleski do upadu powstania listopadowego 1802–1831: Życie i poezya. Karta z dziejów romantyzmu polskiego*. S. 100.

⁹⁸ *Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego* / Wyd. D. Zaleski. T. 1–2. Lwów, 1900–1901. T. 2. Lwów, 1901. S. 6.

⁹⁹ Так, Б. Гудь в своей монографии приводит шокирующую статистику: к началу 1850-х гг. на монаршьё имя было подано 10000 крестьянских

Весьма показательна в этом смысле отношение выходцев с Правобережья к «родному» языку, знание которого считалось одной из добродетелей патриота: «Те, кто выучил языки, но оставили свой родной, подобны резервуарам для сбора воды, лишённые отводного канала ... Как кровь в природном организме человека является источником физической, так и родной язык в моральном хозяйстве народа является источником духовной его жизни»¹⁰⁰. Эта декларация приобретала особый смысл в условиях засилья французского языка в «салонах»: так, в воспоминаниях о юности романтического поэта А. Мальчевского, обучавшего в Волынской гимназии «Кременец был подобен французскому городу: о нуждах общества, о любви к родной земле говорили лишь по-французски... В таком окружении будущий поэт не мог выучиться польскому, невольно он даже думал по-французски, поэтому потом ему было так трудно заставить себя правильно выражаться родным языком»¹⁰¹.

При этом термин «родной язык» явно использовался как минимум в нескольких смыслах: так, в воспоминаниях религиозного католического деятеля З. Фелинского усилия помещицы Ксаверии Грохольской из винницкого предместья по организации воскресной школы выглядели следующим образом: «Катехизм начинался с ежедневной 15-минутной молитвы, которую дети громко повторяли, а заканчивался изложением важнейших истин веры и обязанностей христианина, что делала сама Ксаверия, стоя на холме, окруженная уже не только детьми, но и многочисленной толпой взрослых крестьян, которые с большим желанием слушали доступное и преподносимое их *родным*

жалоб на помещиков-поляков, часть из которых содержала данные о жестоком обращении с крепостными. См.: Гудь Б. Українсько-польські конфлікти новітньої доби: етносоціальний аспект. Харків, 2001. С. 114. Сноска 33. Неслучайно этот период изобиловал также крестьянскими восстаниями, среди которых наиболее известным является восстание под предводительством У. Кармалюка (1819–1833): Там же. С. 122–123.

¹⁰⁰ Pamiętnik nie bardzo stary (wyciąg z notat Władysława N.) przez Aleksandra Grozę (wyd. poprawne). Wilno, 1858. S. 57.

¹⁰¹ Dr Antoni J. (Rolle Antoni). Rodzina Malczewskich // Sylwetki i szkice historyczne i literackie. Serya IX. Kraków, 1893. S. 201–202.

(выделение наше. — *О. Ост.*) языком толкование христианской науки»¹⁰². Особый интерес вызывают непосредственно следующие за этим замечания о том, что «успешным и уже поднаторевшим в чтении детям доставались книжки для молитв или какие-то поучительные рассказы»¹⁰³. Учитывая, что речь идет о 1830-х гг., сложно предположить, что эти книги, раздаваемые местной помещицей, были изданы по-украински. Наше предположение подтверждает воспоминание З. Фелинского о деятельности Кс. Грохольской после 1832 г.: «После ликвидации Кременецкого лицея и перевода Винницкой гимназии в Немиров, учителя, которые не могли или не хотели преподавать по-русски, остались на месте, кормясь частными уроками, которые они давали молодежи, желающей закончить обучение на *родном языке*»¹⁰⁴, — здесь речь явно идет о польском языке.

Иерархия языковых кодов в сознании их пользователей

Вопрос о степени дифференциации польского и украинского языков в сознании польской шляхты на Правобережье в целом и поэтов «украинской школь» в частности остается открытым. Известно, что одно из первых в славистике утверждений о самостоятельности украинского языка принадлежит польскому ученому Е.С. Бандтке¹⁰⁵ — публикация его статьи на эту тему вызвала полемику в российской прессе, о которой мы уже упоминали. Как отдельный славянский язык рассматривал украинский язык и известный собиратель фольклора Адам Чарноцкий (издававший свои труды под именем Зориан Доленга-Ходаковский)¹⁰⁶, однако

¹⁰² Грохольська К. Спогади. Уривки // Вінниця у спогадах. С. 116.

¹⁰³ Там же. С. 116.

¹⁰⁴ Там же. С. 124.

¹⁰⁵ «Малороссийское наречие не наречием не великорусского языка, а языка славянского, как и сам великорусский язык, а также польский, чешский и любой другой славянский» (*Bandtkie J.S. Dzieje narodu polskiego. Wrocław, 1835. T. I. S. 17*).

¹⁰⁶ Brock P. Ivan Vahylevych (1811–1866) and the Ukrainian National Identity // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. P. 115.

практические выводы из этих утверждений следовали не всегда. Осознание Украины как неотъемлемой части Польши¹⁰⁷ сочеталось с наличием в языковом сознании представлений о близости, родственности украинского и польского языков, что нередко вело к восприятию украинского как польского диалекта.

В свою очередь, для крестьян — носителей местных подольско-волынских говоров знание польского языка было, скорее всего пассивным и основывалось прежде всего на понимании¹⁰⁸, являясь необходимым условием участия во внешней коммуникации (например, при разбирательстве дела в суде, при общении с управляющим и т.д.). Подавляющее большинство крестьян не имели доступа даже к начальному образованию: в приходских школах, в том числе униатских, преобладали католики¹⁰⁹ — а именно школа являлась основным средством языковой полонизации, поэтому знание языка приобреталось преимущественно через польские проповеди в униатском храме, контакты с представителями высших и средних социальных слоев, а в ряде регионов также с польскоязычным населением соседних деревень. Следует особо отметить, что языковая полонизация крестьянства на Правобережье не стала мас-

¹⁰⁷ Характерно в этом отношении написанное в жанре путевых заметок произведение А. Пшездецкого, где Украина предстает как безусловная часть Польши, «nasz kraj»: *Przeddziecki A. Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów przez Alexandra Przeddzieckiego*. Т. 1–2. Wilno, 1841.

¹⁰⁸ Такой билингвизм исследователи относят к смешанному типу, среднему между искусственным и естественным, в силу специфики освоения языка: О типах двуязычия см.: *Карлинский А.Е.* Социально-экономическая структура. С. 9.

¹⁰⁹ Об этом, в частности, применительно к василианской школе в Шаргороде см.: *Лисий А.* Василиани в Шаргороді. С. 183. В школах среднего звена ситуация была несколько лучше, но статистика также выглядит весьма красноречиво: в уездном училище в Каменце-Подольском, например, соотношение учащихся было таким: 229 католиков и всего 12 православных, в Немирове из 296 учеников — 236 католиков, 38 православных, 10 униатов, 12 протестантов, в Меджибоже из 293 учеников — 261 католик, 25 православных, 4 униата, 2 протестанта, 1 иудей, в Баре из 500 учеников — 436 католиков, 46 православных, 16 униатов, 2 протестанта: Отчет попечителя Виленского учебного округа за 1806 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. 1805–1807. СПб., 1898. Т. 3: Учебные заведения в западных губерниях.

совым явлением и не приводила к смене языка¹¹⁰, как это было, например, на белорусско-литовских землях¹¹¹.

По свидетельству современников и наблюдениям историков, языком ежедневного общения на Правобережье в высших и средних социальных слоях в начале XIX в. являлся польский, причем даже в тех семьях, для которых мы можем предполагать наличие украинского языка как родного. Это важное свидетельство его коммуникативной значимости и престижа, что подтверждают индивидуальные биографии писателей — выходцев с правобережных земель¹¹². Начальное образование они получали, как правило, в местных школах при (василианских) монастырях, а позже в средних учебных заведениях, в которых основным языком обучения также был польский. Так, в разное время уманскую василианскую школу посещали Ю.Б. Залеский, С. Гощинский, М. Грабовский, А. и С. Гроза, Я. Креховецкий, а также (несколько позже) Виктор Григорович¹¹³, в винницкой гимназии в 1814–1815 гг. учились С. Гощинский и Т. Падурра¹¹⁴, в бердичевской частной школе — М. Чайковский¹¹⁵. Продолжение образования также ассоциировалось с польским кругом культуры, в который включались Волынский лицей (братья А. и С. Гроза, С. Го-

¹¹⁰ О «смене языка» как проявлении процесса языковой ассимиляции см.: *Brenzinger M. Language Contact and Language Displacement // The Handbook of Sociolinguistics. P. 282–283.*

¹¹¹ О полонизации литовскоязычного населения и польско-белорусских контактах см.: *Czekmonas W. O etapach socjolingwistycznej historii Wileńszczyzny i rozwoju polskiej świadomości narodowej na Litwie // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine. The foundations of historical and cultural traditions in East Central Europe. International Conference, Rome 28 April — 6 May 1990. Lublin — Rome, 1994. S. 457–463.*

¹¹² См., в частности: *O życiu i pismach Tymka Padurry; Malczewski Antoni. 1793–1826: Antoni Malczewski, jego żywot i pisma / Wyd. A. Bielowski. Lwów, 1843; Tretiak J. Bohdan Zaleski; Goszczyński S. Zamek Kaniowski. Powieść / Oprac. J. Tretiak. Kraków, 1914.*

¹¹³ *Кузнецъ Т.В. До історії освіти на Уманщині (XVIII — початок XIX ст.). Київ, 2000. С. 11.*

¹¹⁴ *O życiu i pismach Tymka Padurry. S. V.*

¹¹⁵ *Skowronek J. Michał Czajkowski — patrioty pogranicza biografia tragiczna // Losy Polaków w XIX–XX w. Studia ofiarowane prof. S. Kieniewiczowi w 80-tą rocznicę Jego urodzin. Warszawa, 1987. S. 549–575.*

щинский, Т. Падурра), Виленский университет (А. Гроза), Варшавский университет и лицей (М. Грабовский, вольные слушатели — С. Гощинский, Ю.Б. Залеский, М. Чайковский). Только после фактической ликвидации польской системы образования происходит переориентация на русские университеты, в частности Харьковский (В. Григорович). Впрочем, это привело также к общему падению уровня образования и снижению интереса к нему, переориентации представителей шляхты на частные пансионы и домашнее обучение: «Зажиточная шляхетская молодежь, особенно вскоре после закрытия польских школ, не имея тяги к научной карьере, искала скорее салонного образования в частных пансионах, устроенных для зажиточных <...> Многие из шляхетской молодежи черпали немного света от часто весьма недалеких странствующих учителей»¹¹⁶.

Модели языкового поведения как результат индивидуального коммуникативного опыта

Место и характер обучения, круг общения, тип профессиональной деятельности, степень включенности в общую имперскую систему и, наконец, выбор места проживания влияли на дальнейшую стратегию языкового поведения: так, желание получить доступ к образованию или карьерные соображения могли приводить к смене модели общения, вынесенной из дома, тогда как стремление сохранить связь с малой родиной способствовало развитию усвоенной в детстве системы коммуникации. Для тех, кто продолжал жить на Украине и сохранял связь с локальным сообществом (как А. Гроза, Т. Падурра), естественным было сохранение полонцентричной модели языкового поведения, вынесенной из семьи и закрепленной в годы учебы. Для тех, кто, как В. Григорович (который, кстати сказать, был существенно моложе всех вышеперечисленных авторов), получил русское образование и, работая в университетах Дерпта, Казани, Москвы, Одессы, оказался включенным в имперское куль-

¹¹⁶ Rawita-Gawroński Fr. Rok 1863. S. 4.

турное пространство, не менее естественной становится смена предпочтительного языка общения с польского на русский. Своего рода компромиссный тип языкового поведения демонстрирует М. Грабовский. Польский язык, очевидно, остается для него первым языком, о чем свидетельствует, в частности, преобладание польскоязычных произведений в его творческом наследии и переписке, в то же время жизнь в Петербурге и активное участие в общероссийском культурном процессе постепенно приводят к увеличению доли русского языка также в индивидуальном употреблении. Похожий пример польско-русского билингвизма с конкуренцией польского и русского языков в литературно-критической деятельности находим в случае М. Чайковского¹¹⁷.

Открытым остается вопрос о степени владения польской и польскоязычной шляхтой на Правобережье украинским языком и характере его использования. Довольно сложно судить, насколько распространенной в рассматриваемый период была практика употребления украинского языка в ситуации непринужденного общения в шляхетской среде, поскольку мы имеем только косвенные свидетельства в ряде биографий¹¹⁸. О пассивном знании украинского языка свидетельствуют, в частности, высказывания самих авторов — выходцев с Правобережья: характерен в этом отношении фрагмент из заявления Б. Залеского, поданного в Комиссию по делам вероисповеданий и просвещения (*Komisja Wyznań i Oświecenia*), с просьбой направить его в заграничное путешествие, дабы в дальнейшем занять кафедру славянской филологии (славянских наречий) в Варшавском университете, которая пустовала после отставки Б. Линде: «Имея возможность в юности познакомиться со славянскими диалектами, а именно церковнославянским, *малорусским* (выделено нами. — *О. Ост.*) и русским, впоследствии я основательно

¹¹⁷ Czajkowski M. Pisma. Lipsk, 1868; Czajkowski M. Pamiętniki Sadyka Paszy. Lwów, 1898.

¹¹⁸ «Его все хорошо знали, ибо часто напевал он украинские мелодии и обычно говорил с друзьями на украинском наречии. К этому наречию имел он особую тягу с самого детства: излюбленной его забавой было слушать древние легенды на языке русинов и “стоны украинской лиры”» (О życiu i pismach Tymka Padurry. S. V–VI).

пополнил их знание. В свободное от занятий время, как и в течение года после окончания оных, я пытался следить за старыми и новыми изданиями на славянских диалектах, особенно же старался в думах, обычаях и обрядах малорусского народа искать дух древности, характера и языка»¹¹⁹.

О пассивном знании украинского языка свидетельствуют многочисленные украинизмы в произведениях польских писателей — выходцев с Правобережья¹²⁰, впрочем, вкрапления украинской речи разной длины в текстах представителей «украинской школы» в польской литературе маркируют, как правило, появление персонажа-украинца¹²¹. Аналогичное явление наблюдалось и в русской литературе того времени, так, например, публикация анекдотов из малороссийской жизни авторства Г. Квитки (Основьяненко) включала украинскую речь только в репликах персонажей¹²². Билингвизм как литературный феномен является одной из характерных черт украинского литературного процесса в первой половине XIX в. На Левобережье (в «Малороссии») это явление принимает формы русско-украинского билингвизма с ролевым распределением языков в зависимости от темы, жанра и стиля. При этом русский язык используется, как правило, в прозе и служит одним из средств дифференциации культурного дискурса по уровням: высокий — низкий, патетический — иронический¹²³.

¹¹⁹ Цит. по: *Tretiak J. Bohdan Zaleski do upadku powstania listopadowego*. S. 111.

¹²⁰ Об украинских элементах в языке польских романтиков см.: *Jurkowski M. Ukrainizmy w języku J. Słowackiego // Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich*, 1974. S. 105–135; *Besta T. Z badań nad wschodniosłowiańskimi wpływami językowymi w polszczyźnie romantyków // Łódzkie Towarzystwo Językowe. Rozprawy Komisji Językowej*. T. 17. Łódź, 197. S. 199–243.

¹²¹ Такой «инкрустационный» способ языковой стилизации как один из пространственных стилистических приемов в XIX в. анализирует в своей монографии М. Стрыхарска-Бжежина: *Strycharska-Brzezina M. Kozak ukraiński. Studium językowe*. Kraków, 2006. S. 345–350.

¹²² Об этом упоминается, в частности, в: *Комаров А.И. Украинский язык, фольклор и литература*. С. 132.

¹²³ О русско-украинском литературном билингвизме см.: *Грабович Г. Українсько-російські літературні взаємини в XIX ст.: постановка проблеми // Грабович Г. До історії української літератури*. С. 205, 206, 209, 215, 226; *Mokry Wł. Ukraina i Ukraińcy w kulturze i literaturze rosyjskiej od połowy XVII do początku XX wieku (Zarys problematyki) // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine*. S. 268–282.

На Правобережье единственный пример литературного украинско-русского билингвизма, аналогичного тому, с которым мы сталкиваемся в произведениях левобережных авторов, — это 70-строфная поэма «Варшава» Василия Ростовецкого, написанная в подражание «Энеиде»¹²⁴. Языковое оформление поэмы типично для большинства произведений того периода: основной текст написан по-украински, с заметным влиянием диалектной речи, но все примечания, заглавие и т.п. написаны по-русски, создавая своеобразную семиотическую рамку. Откровенно антипольский характер произведения¹²⁵ свидетельствует о том, что, несмотря на пассивное владение польским языком (в тексте обнаруживается довольно много полонизмов, в том числе синтаксических и фразеологических), выбор украинско-русской модели билингвизма для автора имел принципиальное идеологическое значение.

Воспринятый в определенных кругах «кресовой» шляхты высокий тип культурной (само)идентификации в форме козакофильства¹²⁶ постепенно приводит к переходу от «диглоссного» типа билингвизма с четким ролевым распределением языков к прямому введению украинского языка в литературное творчество. Специфическая национальная и социокультурная ориентация литераторов — выходцев с бывших польских «кресов», пишущих на украинском языке, непосредственно влияла как на литературную, так и на собственно языковую форму их произведений. Стихи (реже проза), откровенно подражающие народному фольклору,

¹²⁴ Наиболее известное издание: Котляревщина: Українські пропілеї (ред., вступні статті і примітки І. Айзенштока). Харків, 1928. С. 143–166; о других изданиях, а также полный авторский текст, сверенный с автографом из архива Волынского краеведческого музея, см.: *Пушкар Н.Ю.* Василь Ростоveckий та його поема «Варшава» // *Роде наш красний. Волинь у долях краян і людських документах.* Луцьк, 1996. Т. II. С. 8–48.

¹²⁵ См. фрагмент поэмы: «При Зимовиті права віра // В сей край до русинів прийшла. // Чи розказать же для приміра, // що тут вона собі знайшла? // Завсіди ви її давили, // А русинів товкли та били // І мали ледве не за псів; // Вони вам тоже не давались, // Так, як могли, оборонялись, // Щоб езуїт їх не поїв» (Там же. С. 22).

¹²⁶ Об этом см., в частности: *Grabowicz G.G.* *Ukraina // Słownik literatury polskiej XIX wieku.* Wrocław–Warszawa–Kraków, 1991. S. 979.

записывались чаще всего латиницей, они опирались на хорошо знакомые авторам подольско-волынские говоры, а язык произведений оказывался максимально открытым для заимствований из польского языка¹²⁷. Примечательно, что некоторые из стихотворений, принадлежащих перу польских авторов, стали по-настоящему народными песнями, пройдя процесс так называемой «фольклоризации» через утрату авторской принадлежности: так, например, произошло с песней «Гандзя» Д. Бонковского и песней о Кармалюке Я. Комарницкого. Одним из первых, кто продемонстрировал возможности параллельного типа билингвизма, в рамках которого польскоязычные (прозаические) тексты конкурируют с украиноязычными (стихотворными) произведениями, стал Т. Падурра. Перечень польских авторов, писавших одновременно и по-польски, и по-украински, мог бы быть более внушительным¹²⁸, однако свидетельства о наличии украинских произведений в творческом наследии польских авторов не всегда вызывают доверие. Так, биографы поэтов украинской школы упоминают о наличии произведений, «писанных на украинско-русском» диалекте, однако при этом отмечают, как, например, в случае с Ю.Б. Залеским, низкую их эстетическую ценность и несовершенство формы¹²⁹.

Соотношение польского и украинского языков в произведениях правобережного поэта Т. Падурры являет явную аналогию с двуязычным творчеством писателей Левобере-

¹²⁷ Собственно языковые аспекты текстовой кодификации в произведениях одного из представителей билингвального польско-украинского сообщества на Правобережье см.: *Останчук О.О. Післямова до «азбучної війни»: кириличне видання творів Тимка Падури // Українська мова. 2009. № 2. С. 26–49.*

¹²⁸ «Еще в первой половине XIX в. некоторые польские писатели творили также на украинском языке» (*Jakóbiec M. Ukrainńska literatura // Słownik literatury polskiej XIX wieku. S. 983.*)

¹²⁹ «О стихах, написанных на украинском языке и собранных в посмертном издании под общим заглавием „Украинское“ — трудно сказать что-либо, кроме того, что они слишком слабы, и кроме того, представляют собой незаконченные фрагменты, обрывающиеся часто после одной строфы» (*Zdziarski S. Bohdan Zaleski. Studjum biograficzno-literackie. Wydanie wznowione. Lwów, 1904. S. 383.*)

жья: основной текст написан по-украински, комментарии и пояснения — по-польски, предпочтительный выбор польского языка характерен для произведений крупных форм (например, прозаических очерков на исторические темы) и частной переписки. Другую модель польско-украинского литературного билингвизма иллюстрируют исторические повести М. Чайковского, активно вводящего в текст украинские песни в польском переводе, в комментариях же содержится оригинальный текст и толкование использованных в произведении украинских слов и выражений. Таким образом, первый пример (Т. Падурра) представляет собой воплощение литературной практики ситуативного билингвизма с тенденцией к выравниванию статусов языков, второй случай (М. Чайковский) отражает конкуренцию языков в условиях диглоссии с рецептивным типом знакомства со вторым из них, используемым только как средство создания локального колорита. Обе функциональные разновидности польско-украинского билингвизма у «крестьянских» поэтов находят свое соответствие в произведениях писателей, выходцев из Малороссии, реализующих модель русского-украинского билингвизма¹³⁰.

В то же время становится возможным использование украинского и польского языка параллельно, без дополнительной стилистической нагрузки в рамках одного произведения¹³¹. Это в значительной мере снимает противоречие польского и украинского языков как разноуровневых форм выражения в литературном творчестве. Такое сближение становится возможным, в частности, благодаря выбору правобережными авторами латиницы для передачи украинской речи, как при записи фольклорных текстов, так и при соз-

¹³⁰ «Украинская ориентация “украинской школы” была польским эквивалентом малороссийского регионализма в русской литературе. Несмотря на то, что некоторые представители школы писали по-украински, они декларировали польский национализм, подобно тому как малороссы в большинстве своем демонстрировали лояльность по отношению к Российской империи» (Brock P. Ivan Vahylevych.) См. также: *Mokry Wł. Ukraina i Ukraincy w kulturze i literaturze rosyjskiej*. S. 268–282.

¹³¹ См., например, стихотворение Т. Падурры «Romanowi Sanguszce na Nowy rok 1828» (*Pyśma Tymka Padurry*. S. 217–218.)

дании оригинальных произведений на украинском языке. Безусловно, для авторов с польским языком как основным использование латиницы с опорой на польскую графику для передачи украинской речи являлось одним из средств включения правобережных земель в общее с Польшей культурно-языковое пространство. Одновременно латинская графика накладывала гораздо меньше ограничений на передачу черт разговорного языка¹³², чем кириллица, о чем свидетельствует, в частности, сопоставительный анализ параллельного кириллического и латинского текста из хозяйственного справочника Ленкевича «Книжиця для господарства» (1788)¹³³. В этом смысле латинский алфавит способствовал закреплению на Правобережье нового типа литературного стандарта, базирующегося на народном разговорном (диалектном) языке.

Переход к активному употреблению украинского языка становится возможным только в специфических социополитических условиях. Такие благоприятные условия возникли в 1830 г. в ходе подготовки Ноябрьского восстания. Среди агитационных документов этого периода явно преобладают польскоязычные тексты¹³⁴, однако практические соображения при специфической структуре национальной идентичности сделали возможным появление прокламаций на местных языках: украинском, а также литовском¹³⁵ и (позже) белорусском. Поскольку главной целевой аудиторией агитации было крестьянство, языковая форма воззваний была максимально приближена к народно-разговорному языку: в

¹³² О более ярком отражении черт живой разговорной речи в текстах украинских народных, записанных латиницей, см.: *Мадлівецька Н.П.* Фонетична система української мови XVII–XVIII ст. (за текстами пісень, записаних латиницею). Автореферат ... к. ф. н. Київ, 2000. С. 2.

¹³³ Ср.: *одно — едно, ohnia — огня, tyzcki — тички, derewianou — древяной* (Исаевич Я. Українське книговидання. С. 584.)

¹³⁴ См.: *Zawisza A.* Odezwa do kozaków (1833) // *Spółczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku* = Польское общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 году. Ossolineum 1984. S. 230–231.

¹³⁵ См. воззвание «*Milej Brolej*» // *Королюк В., Марахов Г.* и др. Восстание 1863 г. Материалы и документы. Москва — Вроцлав — Киев, 1963. С. 539.

текстах обнаруживаются характерные черты подольско-волынских говоров. Немаловажен и тот факт, что в начале и даже в середине XIX в. эти прокламации принадлежат к весьма немногочисленным примерам литературных текстов с Правобережья, написанных на народном украинском языке¹³⁶. При этом ряд орфографических особенностей воззваний указывает на знакомство их авторов с практикой передачи украинской речи графическими средствами латиницы, распространенной на Правобережье в данный период¹³⁷.

Таким образом, тенденция к смене (под внешним давлением) основного языка с польского на русский, наблюдаемая в первой трети XIX в., не отменяет ни сохранения за польским языком культурного престижа, ни наличия польско-украинского декларативного билингвизма в качестве своеобразных способов противодействия официальной языковой политике. В ситуации полилингвизма нередко выбор языка и модели языкового поведения начинает выполнять фатическую функцию маркера принадлежности к определенному локальному сообществу, отличному от других подобных социокультурных групп, в том числе в языковом отношении¹³⁸. Так, культивация «кресовых» черт в произведениях писателей — выходцев с Правобережья не в последнюю очередь связана с желанием подчеркнуть свое особое место в языковом сообществе¹³⁹. Сугубо лингвисти-

¹³⁶ И. Матвяс, выделяя подольскую разновидность восточнукраинского варианта нового украинского литературного языка, первым примером такой разновидности считает роман А. Свидницкого «Люборацкие» (написанный в 1861–1862 гг., но опубликованный после смерти автора в 1886 г.) (*Матвяс І. Варіанти української літературної мови*. Київ, 1998. С. 83–89); примерно этим же временем датированы первые журнальные публикации стихотворений С. Руданского: 1859, 1861.

¹³⁷ Речь идет, в частности, о специфическом знаке ё, введение которого один из популярных поэтов того времени Т. Падурра в своих писаниях предвяряет следующим образом: «На юге правобережной Украины... чаще всего на месте *Е* употребляют *И*, поэтому над этим гласным ставлю две точки, чтобы показать различия в произношении» (*O życiu i pismach Tumka Padurry*. S. 125–126).

¹³⁸ О фатической функции языка см.: *Tabouret-Keller A. Language and Identity*. P. 320–321, 324; в том числе в случае языка национального меньшинства: *Clyne M. Multilingualism*. P. 309.

¹³⁹ Об идентификации носителей языка с чертами, являющимися средством языкового контакта, см.: *Tabouret-Keller A. Language and Identity*. P. 324.

ческие характеристики оказываются непосредственным образом связанными с осознанием собственной идентичности¹⁴⁰. Самоидентификация представителей данного языкового сообщества осуществляется одновременно на базе польского литературного языка как символа принадлежности к «большой» Польше и его регионального варианта как знака локальной обособленности.

* * *

Неоднородный характер региона, присоединенного к России в результате разделов Речи Посполитой, как и неоднозначная самоидентификация ее населения, прежде всего региональных элит, оказались своего рода сюрпризом для русского общественного мнения и официальной политики, разворачивающейся под лозунгом «Отторженная возвратих». Этим объясняется полемический накал статей, доказывающих исключительно «русский» характер Западного края; острота его не стихала в течение всего XIX в., подпитываясь антипольскими настроениями, вспыхивавшими в результате очередных польских восстаний. Языковая политика Петербурга в начале XIX в. носила явно ретроспективный (а не предупредительный) характер; попытки приспособиться к новым геополитическим реалиям оказались неудачными, а на развитие национальных проектов, прежде всего польского, а затем и украинского (как показывает дело Кирилло-Мефодиевского братства 1848 г.), приходилось реагировать постфактум, вводя ограничительные и даже репрессивные меры в ответ на активность местных элит, в том числе в языковой сфере. Весьма показательно в этом смысле, что на начальном этапе (до 1830 г.) русификация Западного края носила сугубо декларативный характер и затронула только сферу официальной коммуникации, оставив фактически полную свободу действия польским национально ориентированным просветителям в сфере образования, что прямо

¹⁴⁰ О влиянии полилингвальной ситуации на выработку идентичности в Канаде и США см.: *Trudgill P. Sociolinguistics*. P. 44–46.

влияло на формирование языкового сознания. Польское восстание 1830–1831 г., помимо репрессивных мер в отношении его участников, принесло понимание важности языкового вопроса. С этим, в частности, связаны активные попытки использования польского языка в пропагандистских целях: не случайно именно в 1830 г. в Петербурге начал издаваться известный журнал «Tygodnik Peterburgski» (кстати, в том числе усилиями выходцев с Правобережья — М. Грабовского, Г. Жевусского, С. Осташевского), призванный стать рупором имперской позиции для представителей региональных польских элит, который с 1832 г. стал официальным изданием Царства Польского (просуществовал до 1853 г.). Одновременно сфера литературы и литературного творчества вплоть до 1860-х гг., формально подпадающая под цензуру, оставалась относительно свободным пространством, где продолжалась конкуренция языков и формирование соответствующей читательской аудитории, в том числе национально ориентированной. Так, например, цензура не усмотрела ничего предосудительного ни в изданных — разумеется, латиницей — в Варшаве в 1844 г. украинских стихах упоминавшегося выше Т. Падурры («Ukrainki z nutoju»), ни в вышедших сначала в Вильне в 1850 г. «народных» (украинских) сказках другого выходца с Правобережья, С. Осташевского, переизданных спустя год (в 1851 г.) в Киеве («Piv sotni kazok»). Запрет на использование латинского шрифта для передачи украинской речи, как и ограничительные меры по недопущению коммуникативной эмансипации украинского языка как такового были введены только после январского польского восстания 1863 г.¹⁴¹, ставшего для российского общественного мнения и официальных властей очередным тревожным звонком, свидетельствующим о формировании польского национального проекта, который стал явным конкурентом для проекта большой русской нации.

¹⁴¹ См. об этом, в частности, *Миллер А.И., Остапчук О.А.* Латиница и кириллица. С. 35–42.